
ПРЕСТУПНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВА

CRIME AND PERSONALITY OF CRIMINALS IN TERMS OF LAW GLOBALIZATION AND UNIFICATION

УДК 343.85

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(1).5-14

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Л.М. Прокументов¹, А.В. Шеслер^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

² Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Новокузнецк, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 июля 2017 г.

Дата принятия в печать

16 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения

2 марта 2018 г.

Ключевые слова

Преступность; общесоциальные

детерминанты преступности;

экономические детерминанты

преступности; глобализация

преступности; либерализм;

тенденции преступности;

организованная преступность

Аннотация. В статье анализируются детерминанты преступности, связанные с социальными процессами, происходящими в российском обществе в целом. Авторы критически оценивают переход российского общества к рыночной модели жизнедеятельности, который уже в начале 1990-х гг. привел к ухудшению экономической ситуации в стране, существенно снизил уровень жизни населения, расслоил его по уровню доходов, повлиял на сокращение социальной сферы, укрепил позиции теневой экономики, способствовал коррумпированности и криминализации государства. В статье отмечается, что идеологической основой данных негативных изменений является либерализм, представленный системой таких ценностей, как демократия, гражданское общество, права человека в западном понимании. Авторы указывают, что эти ценности оказывают криминогенное воздействие на общество потому, что обосновывают замену социальных связей, основанных на коллективном интересе, на социальные связи, в основе которых лежат эгоистические интересы индивидов и отдельных групп, внедрение избирательных технологий, при которых выборы не отражают интересы большинства населения, лишение населения реальных социальных гарантий и непосредственного участия в политике, развитие маргинальных потребностей личности, на которых паразитирует преступность, мотивируют у населения потребление не по средствам, способствуют созданию социальной базы в виде сторонников англосаксонской системы ценностей, несовместимых с ценностями традиционного российского общества. Особое внимание в статье уделяется криминогенным аспектам глобализации. Авторы полагают, что глобализация преступности затронула прежде всего организованную преступность, которая приобрела транснациональный характер. Указывается на расширение сферы деятельности организованной преступности, в которую были вовлечены объекты экологии, радиоактивные материалы, человеческое тело, отходы человеческой жизнедеятельности, объекты интеллектуальной собственности, медицинские препараты, виртуальная реальность. В статье отмечается усиление криминогенного влияния организованной преступности на политическую жизнь общества, расширения теневой экономики. Авторы констатируют, что глобализация в значительной мере усиливает действие общесоциальных детерминантов преступности (повышает социальную напряженность в обществе) и видоизменяет их действие (некоторые негативные процессы оказывают влияние на личность непосредственно, а не через антикриминогенное воздействие малых социальных групп).

GENERAL SOCIAL DETERMINANTS OF CRIME

Lev M. Prokumentov¹, Alexander V. Shesler^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

² Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, the Russian Federation

Article info

Received

2017 July 5

Accepted

2018 February 16

Abstract. The authors analyze the determinants of crime connected with the social processes in the Russian society. They offer a critical evaluation of the Russian society's transition to a market economy that already in the early 1990s resulted in a deterioration of the economic situation in the country, a considerable worsening of living standards and the stratification of society in terms of income, it influenced the shrinking of the social

Available online
2018 March 2

Keywords

Crime; general social determinants of crime; economic determinants of crime; globalization of crime; liberalism; criminal trends; organized crime

sphere, strengthened the positions of the shadow economy, contributed to the corruption and criminalization of the state. The authors argue that the ideological basis of these negative changes is liberalism represented by a system of such values as democracy, civil society, human rights in their Western interpretation. They point out that these values have a criminogenic influence on society because they justify the substitution of social connections based on collective interests with social connections based on egoistic interests of individuals and specific groups, the implementation of election techniques due to which the elections do not serve the interests of the majority of population, the deprivation of population of actual social guarantees and chances to participate in the political process, the promotion of marginal personal needs that criminals leech off, they motivate people to live beyond their means, contribute to the creation of the social base of people who believe in the Anglo-Saxon system of values incompatible with the values traditional for the Russian society. Special attention is paid to the criminogenic aspects of globalization. The authors believe the globalization of criminality is primarily typical of organized crime that has become transnational. They describe the widening sphere of organized crime's interests that has encompassed environmental objects, radioactive materials, the human body, human waste, intellectual property, medical substances, virtual reality. They stress the strengthening of organized crime's criminogenic influence on the political life and the widening of the shadow economy. They also state that globalization considerably intensifies the power of the general social determinants of crime (increases social tensions) and changes their influence (some negative processes have a direct influence on a person rather than work through the anti-criminogenic influence of small social groups).

Общесоциальные детерминанты преступности состоят в негативных экономических, социальных, политических и духовных процессах, происходящих в российском обществе в целом. Ведущая роль в детерминации преступности принадлежит экономическим процессам, которым отечественные криминологи уделяют основное внимание. Эти процессы воздействуют не только непосредственно на общество, в основном определяя состояние и характер преступности, но и опосредованно, через формирование социального, политического и духовного состояния социума, соответствующего его экономическому развитию.

Однако признание обусловленности преступности в основном экономическими процессами сложилось в российской криминологии не сразу. С момента появления в России во второй половине XIX в. относительно целостных криминологических теорий даже сторонники социологической школы уголовного права не признавали за экономическими процессами такого значения. Так, И.Я. Фойницкий считал, что преступность в равной мере определяется совместным действием общественных (уровнем цен на продукты, развитием торговли, организацией труда), физических (полом, возрастом, а также климатом, почвой, температурой воздуха, определяющих природную среду обитания человека) и индивидуальных (волей, разумом и иными свойствами человека, определяющими его психическую деятельность) условий [1, с. 24, 92, 99, 107, 136]. Представители антропологиче-

ских взглядов на преступность исходили из ее обусловленности в основном биологическими свойствами человека. Несмотря на то что представители антропологического направления в России не были ортодоксальными сторонниками идей Ч. Ломброзо и его последователей, признавали влияние ряда социальных факторов на преступность, последним они отводили второстепенную роль в обуславливании преступности. Так, Н.А. Неклюдов считал, что возраст человека определяет количество преступников и характер совершаемых ими преступлений, а именно: подростки склонны совершать преступления против собственности, молодые люди склонны к совершению преступлений против личности, политические преступления совершают люди в зрелом (40–45 лет) возрасте и т.д. [2, с. 27–45, 168–170]. Осознавая, что возраст не предопределяет совершение преступлений какого-либо вида, ученый отмечал определенное влияние на преступность некоторых социальных явлений, в частности порядка управления имущественными отношениями [там же, с. 25, 129, 138–139]. Д.А. Дриль рассматривал преступление как результат взаимодействия особенностей личности (физических и психических) и факторов внешней среды (физических и общественных). Исходя из этого, ученый указывал на необходимость борьбы с преступностью медицинским лечением, а в ряде случаев изменением жизненной обстановки личности в благоприятную сторону [3, с. 82, 95, 551, 558]. Само по

себе утверждение об обусловливании преступного поведения свойствами личности и факторами внешней среды является конструктивным. Однако социальным явлениям в этой конструкции отводилось второстепенное место.

Несмотря на то что дореволюционные ученые, придерживавшиеся антропологических воззрений на преступность, признавали второстепенную роль социальных (в том числе экономических) факторов в обусловливании преступности, они внесли немалый вклад в развитие отечественной криминологической науки. Это уже отмечалось современниками. Например, М.П. Чубинский в заслугу ученым-антропологам поставил появление нового фактического материала, позволившего описать преступника в действительности, а не абстрактно в тиши ученых кабинетов [4, с. 381–382]. Он также отмечал гуманистическую направленность антропологических идей, которые предполагали неодинаковое отношение к преступникам различного типа, прежде всего к новичкам в преступном мире, в противоположность классической доктрине возмездия за преступление, которое должно одинаково постичь и упорного злодея, и новичка [там же, с. 388–389]. На подобные заслуги сторонников антропологического направления в криминологии указывал и другой русский юрист — С.К. Гогель. Исследователь отмечал, что Ломброзо и его последователи упрекнули ученых, придерживавшихся в своих работах догмы уголовного права, в том, что они забыли о живом человеке, что преступники бывают разными (одни являются убийцами, другие ворами, одни прирожденными, другие случайными) и их нельзя смешивать в одном понятии преступника [5, с. 14–15]. Правота этих упреков подтверждается хотя бы исследованием русско-американского социолога-юриста Питирима Сорокина о наказании. Последний исходил из главного свойства наказания — его карательного характера, в основе которого лежит возмездность наказания и его соотношение с тяжестью совершенного преступления [6, с. 137, 170, 172, 224]. Возможность неодинакового влияния наказания на разных людей исследователь связывал в основном не с их индивидуальными особенностями, а с наличием у них свойств, характерных для различных социальных групп, к которым они принадлежат. В частности, неодинаковое влияние наказания на поведение людей П. Сорокин связывал в основном с их религиозным мировоззрением, указывая, что на верующего человека существенно влияет заградная кара,

которая оказывает на него устрашающее воздействие в силу ее неизбежности [6, с. 237–250].

Дореволюционные исследования о преступности оказали большое влияние на деятельность кабинетов по изучению преступника и преступности, которые стали создаваться в начале 20-х гг. в ряде крупных городов СССР. Выводы этих научных центров о преступном поведении носили биологический характер, так как в качестве основных причин преступного поведения их сотрудники выделяли психофизические аномалии личности. В частности, С.В. Познышев обосновывал наличие эндогенного преступника, обладающего большой предрасположенностью к совершению преступлений [7, с. 35, 117]. Однако отметим, что в этот период некоторые криминологи указывали на экономические явления (в частности, на упадок производительных сил и снижение уровня производительности труда) как на основные причины преступности [8, с. 3]. Этот подход соответствовал марксистскому взгляду на преступность, в соответствии с которым людей, лишенных хлеба, голод толкает на воровство [9, с. 508–509].

В 30-е и последующие годы прошлого столетия учреждения, проводившие криминологические исследования, были закрыты или переориентированы на изучение проблем исправительно-трудовой политики. Не только экономические, но и иные детерминанты преступности практически не изучались. Существование преступности объяснялось сопротивлением делу социализма со стороны классово-враждебных элементов [10, с. 3–9, 76–77], а позднее — сохранением пережитков эксплуататорских формаций в сознании и поведении людей [11, с. 86; 12].

В 70–80-е гг. XX в. криминологи обратили внимание на обусловливание преступности состоянием экономических процессов в обществе. Полагаем, это было связано с тем, что возможности социалистической экономики тоталитарного, а затем авторитарного типа были исчерпаны: стали замедляться темпы экономического развития, слабая социальная направленность экономики не соответствовала требованиям, предъявляемым к воспроизводству рабочей силы в послевоенное время, рост валового национального продукта в значительной мере стал происходить медленно и не за счет повышения производительности труда, а за счет интенсивных факторов (всеобщей трудовой занятости, расходования материальных и природных ресурсов и т.д.). Недостатки в экономическом

планировании приводили к необеспеченности определенной части заработка населения товарами и услугами повседневного спроса, прежде всего продуктами и одеждой, к доминированию сферы обслуживания над производством, а также к тому, что целые регионы, создававшие стране огромный сырьевой и производственный потенциал, в социальном плане остались неразвитыми. Во многом эти обстоятельства способствовали необоснованному развитию экономического неравенства населения разных регионов страны, а также социальных групп населения, занятых в различных сферах трудовой деятельности (торговле, обслуживании, образовании, производстве и т.д.). Эти процессы, как отмечали криминологи, стали сдерживать позитивное развитие и деятельность не только отдельных индивидов, но и целых микро- и макрогрупп [13].

Произошедший в начале 90-х гг. прошлого столетия поворот России к рынку не оставил сомнений у криминологов в том, что экономические процессы оказались определяющими среди всех детерминантов преступности. Основные мероприятия либеральной экономической политики этого периода (приватизация, неконтролируемая либерализация цен на внутреннем рынке, безмерно свободная внешнеэкономическая деятельность, уход государства от регулирования экономических отношений) [14, с. 154–165] привели к потере страной половины своего производственного потенциала, масштабному сокращению ее оборонного потенциала и научно-технической деятельности [15, с. 4]. Результатом такой экономической политики стал экономический кризис 1998 г., который оказался системным, масштабным и довершившим потерю страной экономического и политического суверенитета [16, с. 98–99]. Наиболее тяжелым в этот период оказалось состояние сельского хозяйства, удельный вес которого в ВВП сократился в три раза¹.

В конце 90-х гг. прошлого столетия наряду с указанными негативными экономическими процессами появились другие, а именно: концентрация капитала путем преступного передела ранее приватизированной собственности (в частности, «алюминиевые войны» в Красноярском крае, «металлургические войны» в Челябинской области), поэтапное уничтожение естественных государственных монополий, составляющих основу экономической безопасности страны (акционирование большей части ресурсодобывающих

предприятий, предприятий энергетического комплекса, системы заготовки и переработки зерна, авиапредприятий, связи, железнодорожного хозяйства страны) [17, с. 35–37].

Экономическая ситуация, сложившаяся в стране, сформировала социальные, идеологические, духовно-нравственные и политические детерминанты преступности, действовавшие в конце 90-х — первой половине 2000-х гг.

Социальные детерминанты преступности в этот период в обобщенном виде можно представить как совокупность следующих факторов:

- резкое и прогрессирующее снижение уровня жизни основной части населения при сформированной в советское время тенденции к его повышению и психологической готовности людей только к этой тенденции;

- значительное сужение государством, утратившим в результате приватизации большую часть своей собственности, социальных функций, направленных на воспроизводство социальной сферы в интересах всего населения на основе равной и бесплатной доступности базовых социальных благ для населения (образования, медицины, обеспеченного отдыха и т.д.) с учетом индивидуальных особенностей людей (пола, возраста, состояния здоровья, заслуг перед обществом и т.д.);

- коммерциализация социальной сферы (монетизация льгот, введение страховой медицины, широкое распространение платных образовательных, медицинских, досуговых услуг и др.);

- необоснованно резкое расслоение людей по уровню доходов и в целом по уровню жизни с последующим формированием у них различных представлений о социальной и экономической политике в обществе, а также перспективах развития страны;

- масштабная безработица, прежде всего среди активной части населения, при отсутствии социальной поддержки от государства и перспектив открытия новых рабочих мест в легальной экономике;

- значительная занятость населения в теневом секторе экономики при отсутствии всякой правовой защищенности и социального пакета наемного работника (трудового или гражданско-правового договора между работодателем и работником, социальной страховки, легальной зарплаты, пенсионных отчислений и т.д.).

Последствия такой социальной политики государства создали социальную напряженность и социальные конфликты в обществе, породили

¹ Российская газета. 2005. 17 июня.

деструктивные протестные настроения среди населения, а в целом сформировали социальную базу увеличения преступности с начала 1990-х до середины 2000-х гг. В более сложных условиях оказались миллионы мигрантов из республик бывшего СССР, которые в большей степени, чем граждане России, были вынуждены адаптироваться к сложным жизненным условиям через занятость в теневой экономике. Отметим, что криминологические аспекты миграции постсоветского периода нуждаются в самостоятельном исследовании в силу ее сильного влияния на экономику, в частности на рынок труда и систему занятости населения [18].

В идеологической сфере на состояние преступности в рассматриваемый период повлияло внедрение в общественное сознание прозападных либеральных мифов, обеспечивших переход России к рыночной экономике [19, р. 19–20]. Эти мифы принудительно вытеснили из сферы образования, пропаганды и агитации населения, а также из политической практики государства и других субъектов политической системы марксизм как официальную доктрину советского общества, обладавшего в течение многих десятилетий большим объяснительным потенциалом макросоциальных процессов.

Экономический аспект либеральной идеологии состоит в обожествлении рыночной экономики, оправдывающей стихию дикого капитализма, разрушившего экономику постсоветского общества. Политический аспект современного либерализма заключается в демократии, гражданском обществе, правах человека в их западном понимании [20, с. 214]. Практическое воплощение этих ценностей в социальной практике означает следующее: приоритет интересов отдельной личности над интересами общества; наличие избирательных технологий, при которых выборы не отражают интересы большинства населения; замену социальных связей, основанных на традиционном интересе народа, иррационально-жертвенном начале индивида во имя него, на социальные связи, базирующиеся на конвенции интересов отдельных лиц и групп, преследующих свои сиюминутные эгоистические цели [там же, с. 215–219, 224, 227]; лишение реальных социально-экономических прав (на гарантированный труд, бесплатное и качественное образование и медицину, социально обеспеченный отдых и т.д.), которыми обладал советский человек, в обмен на низменную чувственность, на право иметь индиви-

дуалистическую мораль взамен традиционной; права агрессивного маргинального меньшинства (гомосексуалистов, наркоманов, лиц с суицидными наклонностями и т.д.) на утверждение своего образа жизни как социальной нормы; социалдарвинизм в системе межличностных отношений (кто сильнее, тот и прав) [20, с. 236–238].

Либеральная идеология влияет на духовно-нравственную сферу общества, в котором, во-первых, населению навязывают протестантские ценности, состоящие в вере в спасительную силу денег, в придании им смысла и цели человеческой деятельности. Протестантизм как еретическое направление в христианстве в наибольшей степени соответствует духу общества, основанного на рыночной экономике [21]. Во-вторых, в обществе с либеральными ценностями формируется внушаемая личность, готовая к подчинению стандартам общества потребления. Либеральная система воспитания подменяет явный авторитет анонимным, который является более подавляющим авторитетом, чем авторитет явный [22]. В результате воспитание, основанное на системе либеральных ценностей, заменив традиционные запреты скрытыми, создает необходимые психологические предпосылки для подчинения насилию, в том числе со стороны преступности, а также психологические предпосылки для возрастающего потребления независимо от его обеспеченности. Воспитание расточительного потребителя, живущего не по средствам и постоянно расширяющего круг своих потребностей, выходящих за пределы разумного даже для богатого общества, является обязательным атрибутом современной рыночной экономики, ее саморазвития за счет освоения новых рынков товаров и услуг [23, с. 764–767].

Сформированная в обществе идеология потребления создает духовную предпосылку для преступности, поскольку деформирует систему ценностей в структуре личности, выдвигая на первый план потребности материального характера и допуская установку на возможность их удовлетворения преступным способом. Данное обстоятельство обусловлено тем, что у большинства индивидов конечная культурная цель общества потребления в виде денежного успеха не может быть реализована нормативно допускаемыми средствами [24, с. 304–307]. Кроме того, культивирование потребления ориентирует индивидов на максимальное получение биологических удовольствий независимо от их соответствия традиционной морали и последствий для

здоровья. Это увеличивает круг людей, удовлетворяющих порочные потребности (потребление наркотиков, алкоголя, удовлетворение извращенных сексуальных фантазий и т.д.), на которых экономически паразитирует преступность, прежде всего организованная и профессиональная.

Следует отметить, что либеральные химеры настойчиво внедрялись в сознание населения России идеологами рыночной экономики, несмотря на их жесткую оценку западными идеологами, в частности американским консервативным Патриком Дж. Бьюкененом [25; 26]. Последний сравнил либерализм с вирусом ВИЧ, разрушающим иммунную систему организма и оставляющим человека беззащитным перед инфекциями, самая пустяковая из которых способна его убить [27, с. 114].

В политической сфере на состояние преступности рассматриваемого периода повлияли следующие факторы:

- масштабная коррумпированность государственной власти;

- вхождение в государственные и муниципальные органы лиц с криминальным прошлым;

- замена государственного регулирования социальных процессов криминальными методами (убийства политических оппонентов, решение хозяйственных споров преступными авторитетами, силовое разрешение политических и национальных конфликтов и т.д.);

- замена социальной (низовой) демократии, при которой население непосредственно участвовало в политической жизни страны и контролировало государственную власть, на политическую (системно-представительную) демократию, при которой население реально отчуждено от участия в политике, лишено права на политическую самодеятельность в политической сфере, на контроль за государственной и муниципальной бюрократией. Политика стала уделом профессионалов, представляющих интересы крупных политических корпоративных образований (либералов, коммунистов, националистов и т.д.), либо субъектов экономической деятельности [28, с. 72–79];

- создание в политической системе страны влиятельной пятой колонны, состоящей из сторонников проведенных в России в 1990-х гг. либеральных реформ и приверженных ценностям англосаксонской цивилизации [29, с. 57–59].

Проводимая с начала 2000-х гг. экономическая политика, которая начала отвечать интересам России в целом, дала свои положительные

результаты в виде повышения уровня жизни населения и его социальной защищенности. Это сказалось на том, что преступность с 2007 по 2017 г. обнаружила тенденцию к снижению. Так, в 2007 г. в России было зарегистрировано 3 582 514 преступлений (снижение по сравнению с 2006 г. составило 7,1 %), в 2014 г. — 2 190 578 преступлений (снижение по сравнению с 2007 г. составило 38,9 %), в 2016 г. — 2 160 063 преступления (снижение по сравнению с 2007 г. составило 39,7 %)².

Экономический кризис мирового масштаба, начавшийся с 2008 г., обозначил доминирующее действие с начала 2000-х гг. другого детерминанта преступности, а именно процесса глобализации, характеризующейся в основном как экономическое явление, содержание которого составляет интеграция мирового рынка капитала [28, с. 284–289]. Основная цель такой глобализации состоит в перераспределении экологических ресурсов планеты в пользу стран с населением так называемого золотого миллиарда (США, Англии, Канады и др.) [30, с. 8–9]. Общество потребления, основанное на рыночной экономике, уткнулось в свое естественное препятствие — ограниченность природных ресурсов. Сохранить существующий высокий уровень потребления уже невозможно даже для всех западных стран с развитой рыночной экономикой, поэтому такое потребление останется для немногих из них. Остальные страны в различной очередности будут становиться сырьевым придатком и помойной ямой отходов мирового хозяйства. Причем будущее общество (общество постмодерна) в связи с нехваткой высокого уровня потребления для многих уже не будет капиталистическим. Рыночная экономика в своей основе предполагает в качестве главного субъекта экономической деятельности предприятие, производящее натуральный продукт. Экономика в условиях глобализации в качестве основного субъекта экономической деятельности выдвигает банки и иные кредитно-финансовые учреждения, которые производят виртуальный финансовый продукт,

² Преступность и правонарушения (2006–2010) : стат. сб. М., 2011 ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2011 г. М., 2011 ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2012 г. М., 2013 ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2013 г. М., 2014 ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 г. М., 2015 ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 г. М., 2016 ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2016 г. М., 2017.

не обеспеченный натуральным продуктом. Объем такого виртуального богатства можно увеличивать бесконечно [28, с. 25, 183–185, 192–194; 30], тем более что деньги уже сейчас все больше становятся виртуальными, а капитал становится информационным сигналом [31, с. 29–32]. Реальность потребления стран «золотого миллиарда» при наличии виртуальной экономики обеспечивается обесцениванием сохранившихся природных, человеческих и произведенных реальной экономикой ресурсов других государств, в том числе России, активы которых в глобальной финансовой спекулятивной системе оцениваются искусственно крайне низко [29, с. 192–195].

Влияние глобализации на преступность характеризуется исследователями по-разному. Одни из них оценивают глобализацию почему-то в целом как положительное явление, отмечая, что лишь некоторые ее аспекты обладают криминогенностью или затрудняют борьбу с преступностью [32, с. 20–47]. Другие исследователи указывают на серьезные криминогенные последствия, которыми сопровождается глобализация. В частности, ученые отмечают глобализацию преступности, состоящую в значительном росте количества совершаемых преступлений, в расширении географии преступности, расширении круга общественных отношений, которым преступность причиняет вред [33, с. 11]. Полагаем, что глобализация преступности затронула прежде всего организованную преступность, которая приобрела транснациональный характер, так как ее влияние вышло за пределы национальных государств, а криминальное предпринимательство, составляющее ее экономическую основу, стало органической частью мировой экономической системы [34, с. 47–48]. Кроме того, расширилась сфера деятельности организованной преступности. Наряду с традиционными объектами деятельности (наркотики, оружие, проституция, культурные ценности и т.д.), приносящими сверхприбыль, организованная преступность переключилась на иные наиболее чувствительные сферы человеческой деятельности, а именно: объекты экологии (вымирающие виды флоры и фауны, землю, ее недра, водные ресурсы); радиоактивные материалы, необходимые для создания оружия массового поражения; человеческое тело (тело в целом для медицинских экспериментов и целей биоинженерии, органы и ткани для трансплантации); отходы человеческой жизнедеятельности (бытовой мусор, отработанное топливо, морально

устаревшая или отработанная техника, электроника, бытовая техника), утилизация которых становится все дороже при их возрастающих физических объемах; объекты интеллектуальной собственности (прежде всего, инновационные технологии, составившие объекты промышленного шпионажа); медицинские препараты, потребность в которых возрастает в связи с увеличением удельного веса среди населения больных людей и людей преклонного возраста; виртуальную реальность, используемую для распространения наркотиков и порнографии, организации суицидов, совершения экономических преступлений и преступлений против собственности, вовлечения в террористические и экстремистские организации и т.д. [35].

Организованная преступность значительно усилила свое влияние на политическую жизнь общества. В частности, в России к концу 1990-х гг. даже имела место угроза возникновения криминального государства, при котором организованная преступность становилась реальным механизмом социальной организации жизни общества [36]. Этот процесс происходит на фоне ослабления возможностей национальных государств в борьбе с организованной преступностью, возможности которых ограничены государственными границами, являющихся «прозрачными» для перемещения преступности. Кроме того, интересы различных государств не всегда совпадают: одни государства борются с бегством производства и капитала из своей страны, другие в этом заинтересованы независимо от законности этих процессов, так как этим создаются условия для подъема экономики и занятости населения. Подобная ситуация создает более благоприятные условия для легализации криминального капитала, его экономической мобильности, масштабного ухода от налогов через офшорные зоны.

Глобализация в значительной мере усилила действие детерминантов преступности или видоизменила их действие. Прежде всего, она существенно обострила имевшиеся социальные противоречия в обществе на фоне общего падения материального уровня и качества жизни населения. Это было связано с тем, что транснациональные компании, основные субъекты процессов глобализации, навязали основной части населения земли экономическую политику, свободную от социальных обязательств (медицинского обслуживания населения, оплаты полноценных отпусков, поддержания социально незащищенных слоев населения и т.д.),

дающих помимо средств для воспроизводства к труду определенные социальные гарантии [37, с. 187, 194–198]. Нежелание транснациональных компаний нести груз социальных обязательств обусловлено тем, что они не связаны национальными корнями своего происхождения со страной пребывания. В результате они не участвуют не только в социальной политике тех стран, где осуществляется их деятельность, потребляя их экологические, людские, материальные и иные ресурсы, но и в государствах своего национального происхождения. Безусловно, такая отчужденность возможна при ослаблении суверенитета государств пребывания, которые не в состоянии обеспечить защищенность своего населения.

Глобализация существенно расширила объемы теневой экономики, сделав значительную часть населения потребителями теневой продукции, которая во многих случаях дешевле за счет того, что не облагается налогами, вовлекла его в теневую экономику (например, в изготовление контрафактной продукции). Кроме того, глобализованное общество стало окончательно отказываться от традиционных ценностей в пользу квазиценностей (секс вместо театра или театр в сексе). Это расширило количество потребителей порочных товаров и услуг.

Глобализация изменила механизм действия общесоциальных детерминантов преступности. Обычно они действовали опосредованно через создание деформаций в образе жизни малых социальных групп, которые нередко могли смягчать действие этих детерминантов или даже нейтрализовать их. Это было обусловлено сохранением в малых группах (например, в семье, деревенских общинах) традиционных ценностей. В современный период глобальный социум через Интернет

негативно действует на личность непосредственно, не позволяет включиться антикриминогенным свойствам малых социальных групп. Достаточно в этой связи указать на масштабную вербовку террористическими и экстремистскими организациями своих адептов. Непосредственному воздействию глобальных процессов на личность способствует также интенсивный общемировой процесс миграции населения, который отрывает личность от привычной социальной среды обитания, прежде всего от своего малого социума (семьи, соседской общины, неформального окружения, трудовой сферы, сферы образования).

Знание этих криминогенных аспектов глобализации является необходимым для того, чтобы понять их губительные последствия для нашей страны. Внешнее давление, оказываемое на нашу страну адептами глобализации, находит поддержку в России у целого ряда олигархов-собственников, некоторых представителей творческой интеллигенции, обремененных либеральными мировоззренческими мифами, а также коррумпированных чиновников. Они создают внутреннюю социальную базу для окончательного включения России в мировую глобальную экономическую систему в качестве сырьевой базы и человеческого материала, который обозначается атлантической цивилизацией как избыточный.

Итак, детерминация преступности на общесоциальном уровне — это результат двух взаимосвязанных явлений: процессов, происходящих внутри самого общества, и внешнего криминогенного влияния общемирового процесса глобализации. В заключение отметим, что сделанные нами выводы носят предварительный характер, далеко не бесспорны и нуждаются в более развернутой аргументации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фойницкий И.Я. Влияние времен года на распределение преступности / И.Я. Фойницкий // Судебный журнал. — 1873. — № 1-2. — С. 2–156.
2. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды / Н.А. Неклюдов. — М.: Инфра-М, 2009. — 197 с.
3. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. — М.: Инфра-М, 2006. — 770 с.
4. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики / М.П. Чубинский. — М.: Инфра-М, 2008. — 435 с.
5. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / С.К. Гогель. — М.: Инфра-М, 2014. — 386 с.
6. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественной морали / П.А. Сорокин. — М.: Астрель, 2006. — 618 с.
7. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев. — М.: Инфра-М, 2007. — 302 с.
8. Куфаев В.И. Юные правонарушители / В.И. Куфаев. — М.: Мосполиграф, 1929. — 356 с.
9. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Сочинения / Ф. Энгельс, К. Маркс. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 497–531.
10. Меньшагин В.Д. Советское уголовное право / В.Д. Меньшагин, З.А. Вышинская. — М.: Госюриздат, 1950. — 520 с.
11. Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР / И.И. Карпец // Советское государство и право. — 1966. — № 4. — С. 82–91.

12. Гельфер М.А. Советская криминология / М.А. Гельфер, П.И. Гришаев, Б.В. Здравомыслов. — М. : Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1967. — 120 с.
13. Бабаев М.М. Экономические факторы в механизме преступного поведения / М.М. Бабаев, А.С. Шляпочников // Советское государство и право. — 1979. — № 2. — С. 60–67.
14. Прокументов Л.М. Криминология. Общая часть / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. — Красноярск : Краснояр. высш. шк. МВД России, 1997. — 256 с.
15. Глазьев С.Ю. Благополучие и справедливость. Как победить бедность в богатой стране / С.Ю. Глазьев. — М. : Б.С.Г.-Пресс, 2003. — 192 с.
16. Прокументов Л.М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. — Новосибирск : Альфа-Порте, 2014. — 112 с.
17. Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности / А.В. Шеслер. — Тюмень : Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2004. — 61 с.
18. Cross D. Immigratoion Flows and Regional Labor Dynamics / D. Cross. — Washington : IMF, 1998. — 29 p.
19. Марченко М.Н. События 90-х годов XX века в России и их последствия для страны / М.Н. Марченко // Государство и право. — 2017. — № 4. — С. 17–23.
20. Панарин А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. — М. : Алгоритм, 2006. — 392 с.
21. Weber M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism [Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus] / M. Weber. — Los Angeles : Roxbury Publishing Company, 2002. — 271 p.
22. Fromm E. Man for Himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics / E. Fromm. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1964. — 415 p.
23. Панарин А.С. Православная цивилизация / А.С. Панарин. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. — 1248 с.
24. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М. : АСТ, 2006. — 873 с.
25. Buchanan P.J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / Patrick J. Buchanan. — New York : St. Martin's Press, 2002. — 320 p.
26. Buchanan P.J. Where the Right Went Wrong: How Neoconservatives Subverted the Reagan Revolution and Hijacked the Bush Presidency / Patrick J. Buchanan. — New York : Thomas Dunne Books, 2004. — 272 p.
27. Бьюкенен П.Дж. На краю гибели / Дж. Патрик Бьюкенен. — М. : АСТ, 2008. — 352 с.
28. Панарин А.С. Политология / А.С. Панарин. — М. : Гардарики, 2004. — 480 с.
29. Дугин А.Г. Война континентов (современный мир в геополитической системе координат) / А.Г. Дугин. — М. : Акад. проект, 2014. — 359 с.
30. Русская доктрина / под ред. А.Б. Кобякова, А.Н. Аверьянова. — М. : Яуза-Пресс, 2005. — 363 с.
31. Фурсов А.И. Вперед к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе / А.И. Фурсов. — М. : Кн. мир, 2014. — 320 с.
32. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность / В.В. Лунеев. — М. : Норма, 2007. — 272 с.
33. Филимонов В.Д. Самоорганизация преступного поведения. Опыт синергетического подхода к изучению преступления и вида преступности / В.Д. Филимонов. — М. : Юридинформ, 2018. — 144 с.
34. Шеслер А.В. Криминологические аспекты организованной преступности / А.В. Шеслер. — Тюмень : Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2009. — 86 с.
35. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции / В.С. Овчинский. — М. : Кн. мир, 2016. — 384 с.
36. Гейро Ж.-Ф. Геостратегия преступности / Ж.-Ф. Гейро, Ф. Туаль. — Киев : Скиф, 2014. — 292 с.
37. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. — М. : Проспект, 2009. — 400 с.

REFERENCES

1. Foinitskii I.Ya. Influence of Seasons on the Distribution of Crime. *Sudebnyi zhurnal = Court Journal*, 1873, no. 1-2, pp. 2–156. (In Russian).
2. Neklyudov N.A. *Ugolovno-statisticheskie etyudy* [Criminal-Statistical Essays]. Moscow, Infra-M Publ., 2009. 197 p.
3. Driil' D.A. *Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merah bor'by s neju* [Crime and criminals. Theory of crime and its counteraction]. Moscow, Infra-M Publ., 2006. 770 p.
4. Chubinskii M.P. *Ocherki ugolovnoi politiki* [Essays on Criminal Policy]. Moscow, Infra-M Publ., 2008. 435 p.
5. Gogel' S.K. *Kurs ugolovnoi politiki v svyazi s ugolovnoi sotsiologiei* [A Course in Criminal Policy in Connection with Criminal Sociology]. Moscow, Infra-M Publ., 386 p.
6. Sorokin P.A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennoi morali* [Crime and Retribution, Feat and Reward: a Sociological Essay on the Basic Forms of Public Morals]. Moscow, Astrel Publ., 2006. 618 p.
7. Poznyshchev S.V. *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnye tipy. O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub'ekta povedeniya vooobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal psychology. Criminal types. On psychological research of personality as subject of behavior in general and research of personality of criminal in particular]. Moscow, Infra-M Publ., 302 p.
8. Kufaev V.I. *Yunye pravonarushiteli* [Young Offenders]. Moscow, Mospoligraf Publ., 1929. 356 p.
9. Engels F., Marx K. *Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Werke*, Bd. 2. S. 225–506. (Russ. ed.: Engel's F., Marks K. Polozhenie rabochego klassa v Anglii. *Sochineniya*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 1, pp. 497–531).
10. Men'shagin V.D., Vyshinskaya Z.A. *Sovetskoe ugolovnoe pravo* [Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1950. 520 p.
11. Karpets I.I. On the nature and causes of crime in the USSR. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1966, no. 4, pp. 82–91. (In Russian).
12. Gel'fer M.A., Grishaev P.I., Zdravomyslov B.V. *Sovetskaya kriminologiya* [Soviet Criminology]. Moscow, All-Union Correspondence Institute of Law Publ., 1967. 120 p.
13. Babaev M.M., Shlyapochnikov A.S. Economic factors in the mechanism of criminal behavior. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1979, no. 2, pp. 60–67. (In Russian).

14. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Kriminologiya. Obshchaya chast'*. [Criminology. General part]. Krasnoyarsk Higher School of the MIA of Russia Publ., 1997. 256 p.
15. Glaz'ev S.Yu. *Blagosostoyanie i spravedlivost'. Kak pobedit' bednost' v bogatoi strane* [Prosperity and Justice. How to Defeat Poverty in a Rich Country]. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2003. 192 p.
16. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty prestuplenii protiv sobstvennosti* [Criminal Law and Criminological Aspects of Crimes against Property]. Novosibirsk, Alfa-Porte Publ., 2014. 112 p.
17. Shesler A.V. *Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika professional'noi prestupnosti* [Criminological Description and Prevention of Professional Crimes]. Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2004. 61 p.
18. Cross D. *Immigration Flows and Regional Labor Dynamics*. Washington, IMF, 1998. 29 p.
19. Марченко М.Н. Russian Events in 1990s and their Consequences for the Country. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 4, pp. 17–23. (In Russian).
20. Panarin A.S. *Narod bez elity* [A Nation without an Elite]. Moscow, Algoritm Publ., 2006. 392 p.
21. Weber M. *The Protestant ethic and the spirit of capitalism* [Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus]. Los Angeles, Roxbury Publishing Company, 2002. 271 p.
22. Fromm E. *Man for Himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1964. 415 p.
23. Panarin A.S. *Pravoslavnyaya tsvivilizatsiya* [Orthodox Christian Civilization]. Moscow, Institute of Russian civilization Publ., 2014. 1248 p.
24. Robert King Merton. *Social theory and social structure*. University of Chicago Press, 1996. 386 p. (Russ. ed.: Merton Robert K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow, AST Publ., 2006. 873 p.).
25. Buchanan Patrick J. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York, St. Martin's Press, 2002. 320 p.
26. Buchanan Patrick J. *Where the Right Went Wrong: How Neoconservatives Subverted the Reagan Revolution and Hijacked the Bush Presidency*. New York, Thomas Dunne Books, 2004. 272 p.
27. Buchanan Patrick J. *State of emergency*. Hardcover, Thomas Dunne Books, 2006. 308 p. (Russ. ed.: Buchanan Patrick J. *Na krayu gibeli*. Moscow, AST Publ., 2008. 352 p.).
28. Panarin A.S. *Politologiya* [Politology]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 480 p.
29. Dugin A.G. *Voina kontinentov (sovremennyy mir v geopoliticheskoi sisteme koordinat)* [A War of Continents (Contemporary World in the Geopolitical Coordinate System)]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2014. 359 p.
30. Kobayakov A.B., Averyanov A.N. (eds). *Russkaya doktrina* [Russian Doctrine]. Moscow, Yauza-Press Publ., 2005. 363 p.
31. Fursov A.I. *Vpered k pobede! Russkii uspekh v retrospektive i perspektive* [Onward to Victory! Russian Success in Retrospect and in Prospect]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2014. 320 p.
32. Luneev V.V. *Epokha globalizatsii i prestupnost'* [The Epoch of Globalization and the Crime]. Moscow, Norma Publ., 2007. 272 p.
33. Filimonov V.D. *Samoorganizatsiya prestupnogo povedeniya. Opyt sinergeticheskogo podkhoda k izucheniyu prestupleniya i vida prestupnosti* [Self-Organization of Criminal Behavior. An Experience of Synergetic Approach to Studying Crime and Criminality Types]. Moscow, Yuridinform Publ., 2018. 144 p.
34. Shesler A.V. *Kriminologicheskie aspekty organizovannoi prestupnosti* [Criminological Aspects of Organized Crime]. Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2009. 86 p.
35. Ovchinskii V.S. *Mafiya: novye mirovye tendentsii* [Mafia: New Global Trends]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2016. 384 p.
36. Gayraud J.-Fr., Thual Fr. *Geostrategie du Crime*. Paris, Odile Jacob, 2012. 272 p. (Russ. ed. Gayraud J.-Fr., Thual Fr. *Geostrategiya prestupnosti*. Kiev, Skif Publ., 2014. 292 p.).
37. Marchenko M.N. *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii* [State and Law in the Conditions of Globalization]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прокументов Лев Михайлович — профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: krim_tsu@mail.ru.

Шеслер Александр Викторович — профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, г. Новокузнецк, Российская Федерация; e-mail: sofish@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Прокументов Л.М. Общесоциальные детерминанты преступности / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 5–14. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).5-14.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Prozumentov, Lev M. — Professor, Chair of Criminal Executive Law and Criminology, Law Institute, National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: krim_tsu@mail.ru.

Shesler, Alexander V. — Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation; Professor, Chair of Criminal Law, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Doctor of Law, Professor, Novokuznetsk, the Russian Federation; e-mail: sofish@inbox.ru.

FOR CITATION

Prozumentov L.M., Shesler A.V. General social determinants of crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).5-14. (In Russian).